

Шик Ида Александровна, кандидат искусствоведения, доцент. Российский государственный гуманитарный университет, Россия, Москва, Миусская пл. 6. 125047. ida.shik@bk.ru ORCID ID: 0000-0002-7953-6283

Shik Ida Aleksandrovna, PhD in Art History, associate professor. Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaia sq., 1925047 Moscow, Russian Federation. ida.shik@bk.ru ORCID ID: 0000-0002-7953-6283

НИКОЛАС БРУНО. СОННЫЙ ПАРАЛИЧ КАК ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ОПЫТ

NICOLAS BRUNO. SLEEP PARALYSIS AS AESTHETIC EXPERIENCE

Аннотация. В статье проводится анализ специфики визуализации эпизодов сонного паралича в творчестве американского фотографа Николаса Бруно, являющегося примером конвергенции эстетики сюрреализма и хоррора в искусстве XXI в. Фотохудожник отдает предпочтение «меланхоличным» пейзажам, вызывающим ощущение *жуткого*, характерное для сновидений и фильмов ужасов, и делает акцент на символизме воды и огня. Отличительной чертой персонажей Николаса Бруно является близость — этот мотив навязчиво повторяется в его работах, становясь своего рода «визитной карточкой» автора. Любимыми сюжетами фотохудожника становятся типичные для ночных кошмаров и хоррора преследование, казнь, утопление, удушение, пожар, присутствие невидимого Другого. Николас Бруно работает с такими востребованными в рамках сюрреализма и хоррора концепциями, как принцип «парадоксальных сопоставлений», *конвульсивная красота*, *черный юмор*. Трансформируя сонный паралич в эстетический опыт, Николас Бруно продолжает предпринятое искусством XX в. исследование пограничных состояний и мира бессознательного, позволяющее покинуть пределы профанного существования и сместиться в область сакрального.

Ключевые слова: фотография; сюрреализм; хоррор; сонный паралич; Николас Бруно.

Abstract. In the article, the researcher analyzed the specifics of sleep paralysis episodes visualization in the work of the American photographer Nicholas Bruno. His art can be considered an example of the convergence of the aesthetics of Surrealism and horror in the 21st century art. The photographer prefers “melancholy” landscapes that evoke the *uncanny* sense, typical for dreams and horror films, and focuses on the symbolism of water and fire. Nicolas Bruno’s characters are always faceless. This motif is obsessively repeated in his works, becoming a kind of author’s “visiting card”. The photographer’s favorite subjects are persecution, execution, drowning, suffocation, fire, and the presence of the invisible Other, typical of nightmares and horror. Nicholas Bruno works with such key for Surrealism and horror concepts as the principle of paradoxical juxtapositions, *convulsive beauty*, *black humor*. The researcher concluded that transforming sleep paralysis into an aesthetic experience, Nicolas Bruno continued the study of borderline states and the world of the unconscious undertaken by the 20th century art. It allows one to leave the limits of profane existence and move into the sacred area.

Keywords: photography; Surrealism; horror; sleep paralysis; Nicolas Bruno.

Николас Бруно — современный американский фотограф, создающий мрачные сюрреалистические образы своих ночных кошмаров. Он родился в 1993 г., окончил Перчейз-колледж в 2015 г., получив степень бакалавра искусств по фотографии. Николас Бруно живет и работает в Норфпорте, Нью-Йорк. В Нью-Йоркской галерее Хэвен состоялись три персональных выставки фотографа: «Таро снов» (2021), «В подвешенном состоянии» (2019) и «Между реальностями» (2017). Начиная с 15 лет, фотограф регулярно переживает эпизоды сонного паралича. Сонный паралич — это пограничное состояние между бодрствованием и сном, при котором тело парализовано и не может пошевелиться, а мозг активно работает, сопровождается паникой и сильными галлюцинациями (слуховыми, визуальными и тактильными). Люди, страдающие сонным параличом, часто видят или ощущают чужое присутствие в своей комнате, а также могут чувствовать, что подвергаются постороннему воздействию. В 2015 г. Родни Ашер снял документальный фильм «Ночной кошмар», в котором те, кто испытывает сонный паралич, рассказывают о своем опыте¹. В фильме также приводятся примеры сонного паралича в фильмах ужасов, таких как «Кошмар на улице вязов» (1984–2003), «Прирожденные убийцы» (1994), «Астрал» (2010) и др., для которых он является весьма распространенным мотивом. В изобразительном искусстве репрезентация сонного паралича часто восходит к знаменитой картине Иоганна Генриха Фюсли «Ночной

кошмар» (1781). Примером могут служить такие произведения, как графические работы Винсента Георга Кинингера «Сон Элеанор» (1795) и «Моя мечта, мой плохой сон» (1915) Фрица Швимбека, картина Николая Абильтгаарда «Ночной кошмар» (1800), скульптура Эжена Тивье «Кошмар» (1894) и др.

Работы Николаса Бруно представляют собой визуализацию опыта, пережитого им во время эпизодов сонного паралича. Творчество стало для Бруно своеобразной терапией. «Превращение моего ужасного опыта в произведения искусства помогло мне рационализировать свое состояние и установить связь с другими больными по всему миру. Трансформируя свои сны во что-то осязаемое, я чувствую себя комфортно, зная, что у меня есть способ передать то, что почти невозможно описать» [10]. Создание работ Бруно представляет собой сложное действие, в котором все тщательно продумано. «Я начинаю свой творческий процесс с того, что записываю опыты с параличом сна в дневнике сновидений посредством зарисовок и документации. Каждый записанный сон служит основой для одного или нескольких концептов. Я делаю финальный набросок сна, который включает в себя визуальную символику, характеристику персонажей и список того, что мне нужно для реализации идеи. Мой реквизит и костюмы либо сделаны мной из переработанных материалов, либо обнаружены на свалках, в благотворительных магазинах или подобраны на обочине дороги. Как только я собираю свой реквизит,



Илл. 1. Николас Бруно. Убегающий художник. Источник: <https://www.nicolasbrunophotography.com/>

я ищу место для постановки и делаю снимки, чтобы посмотреть позже тем же вечером. Как только место будет выбрано, я отправлюсь туда, поместив все в свой джип. Я разгружаю его, переносу все в лес или болото и начинаю выстраивать свою сцену. Моя камера установлена на штатив и непрерывно снимает с интервальным таймером, что позволяет мне свободно играть одного или нескольких персонажей. Я перемещаю свой реквизит, использую дымовые шашки, чтобы создать туман, и взаимодействую с окружающим пространством для создания изменений» [10]. За съемкой следует процесс обработки фотографий; в отличие от других современных фотохудожников, Николас Бруно старается свести фотоманипуляции к минимуму, делая исходный снимок максимально приближенным к его окончательному виду.

Николас Бруно создает свой устойчивый визуальный словарь, который может служить ключом к прочтению его работ. На формирование эстетики фотографий Николаса Бруно оказали значительное влияние живопись старых мастеров и творчество представителей романтизма (Каспар Давид Фридрих, Теодор Жерико, Франсиско Гойя), а также сюрреализм

(Рене Магритт), исторические тексты оккультизма и символизм сновидений [9]. Работы Николаса Бруно могут быть отнесены к такому направлению, как *horror surrealist photography*, представляющему собой одну из стратегий рецепции идей сюрреализма в современной культуре. «Страх, притягательная сила всего необычного, разного рода случайности, вкус к чрезмерному — все это такие силы, обращение к которым никогда не окажется тщетным», — писал Андре Бретон в «Манифесте сюрреализма» [1, с. 359]. Сюрреализм и хоррор сближает удовлетворение стремления субъекта к выходу за пределы обыденной жизни посредством репрезентации его страхов и подавленных желаний, что способствует их конвергенции в искусстве XXI в. «Фильмы ужасов нацелены на то, чтобы грубо вывести нас из самоуспокоенности в мире повседневности посредством негативных эмоций, таких как ужас, страх, беспокойство, террор и отвращение. Для этого хоррор обращается к страхам, которые одновременно повсеместно табуированы и отвечают исторически и культурно-специфическим проблемам. <...> Но какими бы ни были конкретные страхи, эксплуатируемые теми или иными фильмами ужасов, они дают зрителю



Илл. 2. Николас Бруно. Спор.
Источник: <https://www.nicolasbrunophotography.com/>

лям острые, но контролируемые ощущения и, таким образом, предлагают освобождение, катарсис наших коллективных и индивидуальных страхов» [8, р. 1].

Целью данной статьи является анализ специфики визуализации эпизодов сонного паралича в творчестве американского фотографа Николаса Бруно как примера конвергенции эстетики сюрреализма и хоррора в современном искусстве. Для достижения поставленной цели необходимо проанализировать основные составляющие работ Николаса Бруно, такие как выбор места действия, символов, персонажей, сюжетов. Актуальность исследования обусловлена востребованностью концепций сюрреализма и хоррора в современном культурном дискурсе. Практическая ценность статьи состоит в том, что предложенный автором подход к проблеме и полученные результаты могут использоваться для дальнейшего изучения как феномена *horror surrealist photography*, так и репрезентации опытов сонного паралича в искусстве XXI в.

Место действия и основные элементы

Местом, где разворачивается действие снимков Николаса Бруно, часто служат пустынные поля с пожухшей травой, леса, сбросившие листву, болота, водоемы и т.д. Пейзажи в работах Николаса Бруно вызывают ассоциации с полотнами Каспара Давида Фридриха. За счет выбора довольно «меланхоличных» мест, света и цветового решения фотографу удается воссоздать во многих своих снимках атмосферу *жуткого*, характерную для сновидений и фильмов ужасов — даже если убрать из его работ действующих лиц, зритель все равно будет испытывать чувство странного, немотивированного беспокойства.

Ключевым для снимков Николаса Бруно является символизм воды и огня — первичных стихий, согласно западной эзотерической традиции. Сам фотограф трактует эти символы следующим образом: «Я использую воду и огонь, чтобы передать различные аспекты моего сонного паралича. Вода служит визуальной метафорой для царства сна, где сознание представлено тем, что находится над поверхностью. Мои персонажи часто погружаются или появляются из глубин, задерживаясь между двумя сферами в чистилище, которое является сонным параличом. Символизм воды также описывает

чувство утопления и удушья, которое можно испытать во время эпизода сонного паралича. Пламя и тлеющие угли в моих композициях напрямую связаны с взрывом беспокойства, возникающим при пробуждении при параличе» [10]. Не менее значимыми представляются и две «дочерние» стихии: земля и воздух, которые формируют пространство снимков, делая его холодным и зловещим.

Персонажи

Отличительной чертой большинства героев Николаса Бруно является безликость — их головы обмотаны белой тканью и обвязаны веревками в районе шеи. На выставке фотографа в галерее Хэвен (2019) были представлены своеобразные бюсты, чьи лица и плечи задрапированы белым или черным полотном, закрепленным веревками — трехмерный вариант его персонажей. Подобное сокрытие лица напоминает о знаменитой работе Рене Магритта «Влюбленные II» (1928), реализующей метафору слепой любви. В искусстве сюрреализма скрывание лица посредством замещения его другим объектом (чаще всего маской) является одним из распространенных мотивов. Сочетание человек/маска или одухотворенное/неодухотворенное вызывает ощущение *жуткого*, имманентное сюрреалистической *конвульсивной красоте* [6, р. 21–23]. В сюрреалистической фотографии к этой теме активно обращались Жак-Андре Буаффар, Ральф Юджин Митъярд, Кларенс Джон Лафлин. Маска, как и белое полотно, вызывает чувство беспокойства, поскольку непонятно, кто скрывается под маской. Универсальность маски подсказывает, что скрыт за ней может быть кто угодно [2, с. 113–115]. Однако в отличие от маски, позволяющей быть Другим, белая ткань полностью обезличивает, уничтожая субъективность, делая Никем. В сюрреалистической фотографии эта тема раскрывалась посредством замещения лица пустотой с помощью зеркала (Кларенс Джон Лафлин «Они одни»). Николас Бруно также обыгрывает этот мотив в работе «Близкий» («Affine»): молодой человек в костюме-тройке сидит на стуле посреди леса, при этом его лицо замещено овальным зеркалом. В современной сюрреальной фотографии тема замещение лица пустотой последовательно разрабатывается в серии испанской фотохудожницы Сильвии Грав «Я не могу видеть себя». Другая коннотация белого полотна, закрывающего лицо — это образ осужденного, при-



Илл. 3. Николас Бруно. Жадность.
Источник: <https://www.nicolasbrunophotography.com/>



Илл. 4. Николас Бруно. Потеря.
Источник: <https://www.nicolasbrunophotography.com/>

говоренного к смертной казни, на голову которого надевался специальный мешок или маска, что очень соответствует тематике работ Николаса Бруно. Кроме того, скрытое тканью лицо — классический мотив фильмов ужасов.

Соккрытие лица посредством ткани вызывает ощущение удушья и беспомощности — человек, лицо которого задрاپировано, не может видеть и лишается контроля над ситуацией, подобно тому, кто испытывает сонный паралич. Эквивалентом этого являются завязанные глаза, встречающиеся в ряде работ Бруно («Спор» («Vertenza»), «Связь» («Vincolo»)). При этом безликими на снимках фотографа оказываются как «жертвы», так и их «мучители». Безликость является характерной чертой тех существ, которых он видит в состоянии паралича. «Безликие фигуры изображают злоумышленников, которые попадают в эпизоды моего сонного паралича. Они часто агрессивны, жестоки, но все же любопытны. [Но] они [также] часть меня, приглашенная в мою комнату моим подсознанием» [7].

Сюжеты

В своих работах Николас Бруно реконструирует ледящие душу, близкие к хоррору сцены, полные абсурда, черного юмора и сюрреалистических «парадоксальных сопоставлений» [2, с. 80–93], которые переживаются им во время эпизодов сонного паралича. Фотограф помещает своих героев рядом с горящими предметами, топит в воде, ведет к гильотине или делает из них живую мишень. Основная особенность снимков Николаса Бруно — это то, что нечто страшное вот-вот должно случиться с его персонажами, но пока не произошло, что позволяет вызвать у зрителя чувство напряжения. Например, на снимке «Мишень» («Bersaglio») молодой человек со связанными за спиной руками сидит перед мишенью, в которую вонзилось множество стрел. Голова несчастного обмотана белой тканью, на которой нарисована мишень. Аналогичная «маска» со стрелой в центре лежит около левого края снимка, почти вторгаясь в пространство зрителя, намекая на его возможную судьбу. В диптихе «Убегающий художник» (Илл. 1) на первом снимке молодой человек в костюме-тройке с заматанной белой тканью лицом и связанными за спиной руками сидит на стуле перед своим потенциальным убийцей, чьи глаза завязаны. Убийца уже выпустил стрелу, но попал в яблоко,

которое висит над головой жертвы. На второй фотографии художник, все еще привязанный к стулу, убегает от своего преследователя. «Убегающий художник» — своего рода метафора всего творчества Бруно, ставшего своеобразным побегом от ночных кошмаров. Однако преследователи еще не наступили, стрела или пуля пока не вонзились в тело, наковальня не упала на голову, нож гильотины не опустился и т.д. При всей кажущейся безвыходности моделируемых фотографом сцен всегда остается надежда на спасение.

Некоторые работы Николаса Бруно могут рассматриваться как своеобразный *homage* Рене Магритту. Например, на снимке «Игра» («Gioco») мужчина в смокинге и цилиндре собирается выстрелить из пушки в персонажа с завязанными глазами в костюме и котелке, на голове которого стоит яблоко. На фотографии «Спор» («Vertenza», илл. 2) молодой человек с завязанными глазами в аналогичном костюме и котелке сидит за столом, над которым повис в воздухе горящий стул.

На снимке «Жадность» («Giamosia», илл. 3) три наполовину погруженные в воду безликие фигуры с подсвечниками с погасшими свечами во рту тянутся к четвертому персонажу, которому удалось взобраться на лестницу и сохранить свою свечу горящей. Согласно концепции фотографа, «безликие фигуры в композиции изображают повторяющуюся группу персонажей в переживаниях сонного паралича, которые часто носят враждебный характер и руководствуются слепой агрессией. Фигуры пытаются украсть оставшийся источник света у человека наверху лестницы, который может решить отказаться от зажигания фитилей своих преследователей или окунуться в глубину и погасить собственный свет. Веревка переплетает фигуры, чтобы изобразить единую напряженность и борьбу между ними. Это напряжение также отражается в некомфортном акте насильственного прохождения через темные глубины пруда в мокрой одежде и с погруженными в грязь ногами. Белье связывало и ослепляло мое лицо, когда вода впитывалась в ткань. Бедственное положение на фотографии отдаленно напоминает то стрессовое состояние, которое переживается при невозможности выйти из сонного паралича» [11]. Человек пытается проснуться, но его видения не дают ему этого сделать, пытаясь затянуть обратно. Тема борьбы с безликими преследователями в воде разыгрывается также на снимках Николаса Бруно «Окружен» («Circondato») и «Злоба» («Malizia»).



Илл. 5. Николас Бруно. Без названия.
Источник: <https://www.nicolasbrunophotography.com/>



Илл. 6. Николас Бруно. Аркан «Колесница». Проект «Таро снов». Источник: <https://www.nicolasbrunophotography.com/>

На снимке «Потеря» («Perdita», илл. 4) перед нами молодая женщина в старинном платье, которая забилась под белое обшарпанное пианино, в страхе обхватив голову руками. Из-под крышки музыкального инструмента тянется множество рук, словно желая схватить ее. Фотограф комментирует: «Во время моего сонного паралича меня часто хватают руки, которые, кажется, появляются из каждого угла моей комнаты, душат меня или тянут с кровати. Независимо от того, насколько сильны мои попытки избежать их захвата, я всегда буду в их объятиях» [11]. На снимках с женским персонажем фотограф часто сопоставляет девушку и манекен — любимый сюрреалистический образ, классический пример коллапса между живым и неживым. На фотографии «Куклы» («Vambole») девушка с замотанным белой тканью лицом в наполовину сброшенном платье стоит посреди поля рядом с тремя безголовыми манекенами, а на другом снимке обнаженная модель с завязанной сероватым полотном головой лежит в старой ванне с манекеном посреди столь же грустного осеннего пейзажа.

Особый интерес представляют снимки фотографа, построенные на взаимодействии мужского и женского персонажей. На фотографии «Погруженный» («Immersi») обнимающаяся пара — молодой человек и девушка — стоят в старом колодце посреди болота, словно вырвавшись из недавнего ночного кошмара или, напротив, находясь на грани того, чтобы вновь погрузиться в него, упасть на дно колодца. На снимке «Связь» («Vincolo») девушка и молодой человек сидят на стульях спиной к спине на полузатопленном берегу водоема, об-

вязанные веревками, за каждую из которых тянут руки, пытаются увлечь их под воду. На фотографии «Прерваны» («Reciso») сидящая спиной друг к другу посреди болота пара ведет разговор по старинному телефону, а из воды высовывается рука с ножницами, пытается перерезать провод, разорвав их связь. Любовные отношения в работах Бруно всегда оказываются под угрозой — враждебные силы, ассоциируемые с бессознательным, постоянно стремятся их разрушить.

Одна из магистральных тем в работах Николаса Бруно — это пожар. На снимке «Удрученный» («Mogio») перед нами маленький мальчик в ночной рубашке, который сидит, сжавшись в комочек, в распиленном надвое игрушечном доме, одна из половин которого загорелась, воплощая собой детский страх и беспомощность. В работе «Ошеломлен» («Stordito») молодой человек в ночной рубашке сидит на корточках, опустив голову, перед горящей кроватью. На фотографии «Несчастье» («Sventura») юноша пытается потушить горящий кукольный дом, стоящий посреди болота — стремится найти выход из ситуации, преодолеть свой страх. Любимый мотив Николаса Бруно — «безумное чаепитие». На одном из его снимков юноша и девушка с завязанными глазами пьют чай из тонких фарфоровых чашек, стоя в воде рядом с горящим столом (Илл. 5), а на другом герой падает в воду и в грязь вместе со стульями и столом, все еще пытаясь налить в чашку горячий напиток из кофейника.

Таро снов

В 2020–2021 гг. фотохудожником был создан проект «Таро снов» («The Somnia Tarot») — авторская интерпретация колоды Таро на основе его фотографий [4]. Лейтмотивом карт стали классические для Николаса Бруно безликие персонажи, герои с завязанными глазами или скрытыми волосами лицами, помещенные в опасные и абсурдные ситуации. Рожденная воображением художника колода, в которой он прочитывает традиционный символизм Таро посредством собственного художественного словаря, отличается тревожной атмосферой и особой красотой, родственной сюрреалистической *конвульсивной красоте*. Сам интерес фотохудожника к Таро может рассматриваться как продолжение традиций сюрреализма, ведущие представители которого также интересовались эзотерикой [5] и были неравнодушны к этой мантической системе (Андре Бретон, Сальвадор Дали, Александро Ходоровски).

Классическая для Таро иконография пронизана у Николаса Бруно *черным юмором*: например, в VII аркане Колесница (Илл. 6) место возницы-фараона, управляющего двумя сфинксами, занимает безликий герой в красной мантии со свечой, которого везут два персонажа в черных и белых мантиях. Их лица сокрыты, а в руках — трубки, через которые они «смотрят» в разные стороны. Колесница явно не может никуда продвинуться — те, кто должен ее везти, стоят по пояс в воде. Таким образом, идея упорного движения вперед трансформирует у фотохудожника в свою противоположность — невозможность движения, которую, кажется, не замечают герои. Не менее абсурден XI аркан Справедливость: Фемида с завязанными глазами — полностью задрапированный в белые одежды, обвязанный веревками персонаж у Николаса Бруно — повернулась к зрителю спиной. Кажется, что она в любой момент готова утратить равновесие и склонить чашу весов в необходимую сторону, если дернуть за веревку.

Заключение

Таким образом, трансформируя сонный паралич в эстетический опыт, Николас Бруно продолжает предпринятое искусством XX в. исследование пограничных состояний и мира бессознательного, позволяющее покинуть пределы профанного существования и сместиться в область сакрального [3]. Фотохудожник отдает предпочтение «меланхоличным» пейзажам, вызывающим ощущение *жуткого*, характерное для сновидений и фильмов ужасов, и делает акцент на

символизме воды и огня. Отличительной чертой персонажей Николаса Бруно является безличность — этот мотив навязчиво повторяется в его работах, становясь своего рода «визитной карточкой» автора. Любимыми сюжетами фотохудожника становятся типичные для ночных кошмаров и хоррора преследование, казнь, утопление, душение, пожар, присутствие

невидимого Другого. Николас Бруно работает с такими концепциями, как принцип «парадоксальных сопоставлений», *конвульсивная красота*, *черный юмор*, а также конструирует в своих снимках абсурдные и опасные ситуации, что актуально как для сюрреализма, так и для хоррора и делает его творчество привлекательным для поклонников обоих направлений.

ПРИМЕЧАНИЕ:

¹Родни Ашер. Ночной кошмар. URL: <https://ok.ru/video/975019839878>

Список литературы:

1. Бретон А. Манифест сюрреализма // Поэзия французского сюрреализма: антология. СПб.: Амфора, 2003. С. 347–388.
2. Шик И. А. Сюрреалистическая фотография 1920-х – 1970-х гг.: ключевые концепции и проблемы: дис. ... канд. иск. 17. 00.09. Санкт-Петербург, 2018. 385 с.
3. Шик И. А. Николас Бруно. Сонный паралич как эстетический опыт // Второй российский эстетический конгресс. Тезисы докладов участников. Екатеринбург: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Гуманитарный университет» (Екатеринбург), 2021. С. 625–627.
4. Шик И. А. Сюрреализм, хоррор и эзотерика: проект «Таро снов» американского фотохудожника Николаса Бруно // Art Innovation. 2021. № 2. С. 58–75.
5. Bauduin T. M., Ferentinou V., Zamani D. *Surrealism, Occultism, and Politics*. New York, London: Routledge, 2018. 290 p.
6. Foster H. *Compulsive Beauty*. Cambridge: The MIT Press, 1993. 313 p.
7. Gould R. This Artist Explores the Terrors of Sleep Paralysis Through Surreal Photography // Culture Trip. URL: <https://theculturetrip.com/north-america/usa/new-york/articles/this-artist-explores-the-terrors-of-sleep-paralysis-through-surreal-photography/> (дата обращения: 05.12.2022).
8. Grant B. K. Screams on Screens: Paradigms of Horror // Loading... 2010. Vol. 4. No. 6: Special Issue, "Thinking After Dark". P. 1–17.
9. Nicolas Bruno, "In Limbo" // Haven Gallery. URL: <http://www.havenartgallery.com/portfolio/nicolas-bruno-in-limbo/> (дата обращения: 05.12.2022).
10. Reeves B. Interview: Nicolas Bruno // Cortex. URL: <https://cortexmag.com/INTERVIEW-NICOLAS-BRUNO> (дата обращения: 05.12.2022).
11. Roch C. The Horrors of Sleep Paralysis are Captured in Nicolas Bruno's Photography Series // Resource. URL: <http://resourcemagonline.com/2018/03/the-horrors-of-sleep-paralysis-are-captured-in-nicolas-brunos-photography-series/87758/> (дата обращения: 05.12.2022).

References

- Bauduin, T. M., Ferentinou, V., Zamani, D. (2018) *Surrealism, Occultism, and Politics*. New York, London: Routledge.
- Breton, A. (2003) 'Manifesto of Surrealism', in Iasnov, M. (ed.) *Poezia frantsuzskogo surrealizma: antologiia [Poetry of French Surrealism: Anthology]*. Saint Petersburg: Amfora Publ. (in Russian)
- Foster, H. (1993) *Compulsive Beauty*. Cambridge: The MIT Press.
- Gould, R. (no date) 'This Artist Explores the Terrors of Sleep Paralysis Through Surreal Photography', *Culture Trip* [Online]. Available at: <https://theculturetrip.com/north-america/usa/new-york/articles/this-artist-explores-the-terrors-of-sleep-paralysis-through-surreal-photography/> (accessed: 5 December 2022).
- Grant, B. K. (2010) 'Screams on Screens: Paradigms of Horror', *Loading... 4(6)*: Special Issue, "Thinking After Dark", pp. 1–17.
- Haven Gallery (2019) Nicolas Bruno, "In Limbo" [Online]. Available at: <http://www.havenartgallery.com/portfolio/nicolas-bruno-in-limbo/>
- Reeves, B. (no date) 'Interview: Nicolas Bruno', *Cortex* [Online]. Available at: <https://cortexmag.com/INTERVIEW-NICOLAS-BRUNO> (accessed: 5 December 2022).
- Roch, C. (2018) 'The Horrors of Sleep Paralysis are Captured in Nicolas Bruno's Photography Series', *Resource* [Online]. Available at: <http://resourcemagonline.com/2018/03/the-horrors-of-sleep-paralysis-are-captured-in-nicolas-brunos-photography-series/87758/> (accessed: 5 December 2022).
- Shik, I. A. (2018) 'Surrealist Photography of the 1920s – 1970s: the Key Concepts and Problems', PhD Thesis, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg. (in Russian and English)
- Shik, I. A. (2021) 'Nicolas Bruno. Sleep Paralysis as Aesthetic Experience', in *Vtoroi rossiiskii esteticheskii kongress. Tezisy dokladov uchastnikov [The Second Russian Aesthetic Congress. Abstracts]*. Ekaterinburg: Gumanitarnyi universitet Publ., pp. 625–627. (in Russian)
- Shik, I. A. (2021) Surrealism, Horror, and Esotericism: 'The Somnia Tarot' Project by American Photographer Nicolas Bruno, *Art Innovation*, 2, pp. 58–75. (in Russian)